

Содержание

Папа Симона. <i>Перевод Г. Рачинского</i>	3
Опыт любви. <i>Перевод Е. Александровой</i>	16
В лоне семьи. <i>Перевод Г. Рачинского</i>	22
Лунный свет. <i>Перевод Н. Немчиновой</i>	65
В полях. <i>Перевод А. Чеботаревской</i>	74
Менуэт. <i>Перевод А. Чеботаревской</i>	83
Плутня. <i>Перевод Н. Гарвей</i>	91
Легенда о горе святого Михаила. <i>Перевод С. Иванчиной-Писаревой</i>	100
Сабо. <i>Перевод А. Чеботаревской</i>	106
Верхом. <i>Перевод А. Чеботаревской</i>	116
Королева Гортензия. <i>Перевод С. Иванчиной-Писаревой</i>	127
Заместитель. <i>Перевод А. Чеботаревской</i>	138
Ожерелье. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	144
Покровитель. <i>Перевод Е. Гунста</i>	158
Латынь. <i>Перевод Е. Ильиной</i>	166
Дело о разводе. <i>Перевод А. Ромма</i>	179
Жюли Ромен. <i>Перевод Н. Немчиновой</i>	190
Муарон. <i>Перевод С. Иванчиной-Писаревой</i>	203
Портрет. <i>Перевод А. Ромма</i>	213
Маска. <i>Перевод А. Ромма</i>	220
Испытание. <i>Перевод А. Ромма</i>	233
Оливковая роща. <i>Перевод А. Ромма</i>	247

Папа Симона

Только что пробило двенадцать. Дверь школы распахнулась, и мальчуганы, теснясь и толкаясь, бросились на улицу, но вместо того, чтобы сразу же рассыпаться и идти домой к обеду, как обычно, остановились в нескольких шагах от школы, собрались в кучки и начали перешептываться.

Дело в том, что нынче утром впервые пришел в школу Симон, сын Бланшотты.

Все они слышали у себя дома разговоры о Бланшотте. Хотя на людях ее встречали приветливо, но их матери между собой говорили о ней с презрительным сожалением, которое усвоили и дети, хотя и не понимали, в чем дело.

Симона они совсем не знали: он никогда не выходил из дому и не бегал вместе с ними по улицам деревни или на берегу реки. За это они его недолюбливали. И теперь с некоторым злорадством, хотя не без удивления, они повторяли друг другу слова, сказанные одним большим

парнем, лет четырнадцати-пятнадцати, который так хитро подмигивал, что, верно, был хорошо осведомлен в таких делах: «Знаете... насчет Симона... ну так у него нет папы».

И вот на пороге школы появился сын Бланшотты.

Это был бледненький, опрятно одетый мальчик, от застенчивости почти неуклюжий, лет семи или восьми.

Он уже направился было домой к матери, но товарищи, все еще перешептываясь и поглядывая на него лукавыми глазами озорников, затеявших нехорошую проделку, мало-помалу обступили его и, наконец, замкнули в тесное кольцо. Он остановился, удивленный и смущенный, не понимая, что собираются с ним сделать. Парень, принесший новость и гордый достигнутым успехом, спросил:

— Эй ты! Как тебя зовут?

Он отвечал:

— Симон.

— Симон, а дальше?

Окончательно смутившись, ребенок повторил:

— Симон.

Парнишка крикнул ему:

— Человека зовут Симоном и как-нибудь еще... Это не имя — просто Симон.

Мальчик, сдерживая слезы, повторил в третий раз:

— Меня зовут Симон.

Шалуны расхохотались. Торжествующий парень повысил голос:

— Сами видите, у него нет папы!

Наступила тишина. Дети были поражены таким исключительным, невероятным, из ряда вон выходящим обстоятельством — у мальчика нет папы!

Он казался им неким феноменом, существом противоестественным, и в душе их росло то презрение, доселе им непонятое, которое их матери питали к Бланшотте.

Симон же прислонился к дереву, чтобы не упасть. Он чувствовал, что его сразило непоправимое несчастье. Он искал слова, чтобы объяснить, опровергнуть ужасное обвинение, будто у него нет папы, — и не мог.

Побелев как полотно, он наконец осмелел и крикнул:

— Неправда, у меня есть папа!

— А где же он?

Симон замолчал: этого он не знал.

Ребята, крайне возбужденные, смеялись: дети полей, близкие к природе, они следовали тому жестокому инстинкту, который побуждает кур на птичьем дворе заклевывать свою раненую товарку. Симон вдруг заметил маленького соседа, сына вдовы, которого тоже всегда видел только с матерью, и спросил:

— А ты? Ведь у тебя тоже нет папы!

— Вот еще! — мальчик возразил. — У меня папа есть.

— Где же он? — удивился Симон.

— Он умер! — объявил мальчик с гордостью. — Мой папа на кладбище.

Среди ребят пронесся одобрителный шепот, как будто бы то обстоятельство, что отец умер и похоронен на кладбище, подняло в их глазах товарища и окончательно унизило другого, у которого вовсе не было папы. И эти озорники, отцами которых по большей части были пьяницы, воры, дубасившие своих жен, сбились в кучу, все более и более суживая круг; казалось, что они, законные дети, хотели сообща задушить незаконного.

Вдруг один из них, стоявший рядом с Симоном, насмешливо показал ему язык и крикнул:

— Нет папы! Нет папы!

Симон обеими руками вцепился ему в волосы, укусил щеку, стал пинать его ногами. Произошла страшная свалка. Дерущихся разняли, и Симон очутился на земле, избитый, в синяках, в изодранной блузе, посреди хлопавших в ладоши сорванцов. Когда он поднялся, машинально отряхивая курточку, всю в пыли, кто-то крикнул ему:

— Поди-ка пожалуйся своему папочке.

Тут в сердце его словно что-то оборвалось. Они были сильнее, они избили его, и ему нечего было им ответить: ведь он хорошо знал, что это

правда, что у него действительно нет папы. Из гордости он несколько секунд боролся с душившими его слезами, но дыхание перехватило и он беззвучно заплакал, содрогаясь всем телом.

Среди его врагов поднялось жестокое ликование: подобно веселящимся страшным дикарям они взяли за руки и начали плясать вокруг него, повторяя, как припев:

— Нет папы! Нет папы!

Вдруг Симон перестал рыдать. В нем вспыхнула ярость. Набрав за пазуху камней, он изо всех сил принялся швырять их в своих мучителей. В двоих-троих он попал, и они с криком бросились бежать. У мальчика был такой грозный вид, что всех остальных охватил страх. Трусливые, как труслива всякая толпа перед тем, кого довела до иступления, они бросились врассыпную.

Оставшись один, ребенок, у которого не было отца, пустился бежать в поле: в нем пробудилось одно воспоминание, и оно натолкнуло его на великое решение: утопиться в реке.

Он вспомнил, как неделю назад один бедняк, живший подаяннем, бросился в воду, потому что у него больше не было ни гроша. Симон видел, как утопленника вытаскивали из воды, и этот бедняга, обычно казавшийся ему жалким, грязным, некрасивым, поразил его своим умиротворенным лицом, бледными щеками, длинной мокрой бородой и открытыми, такими

спокойными глазами. Стоявшие кругом говорили: «Юн умер». Кто-то добавил: «Теперь он счастлив». Подобно этому горемыке, у которого не было денег, Симон тоже решил утопиться, потому что у него не было отца.

Он подошел к самой воде и стал смотреть, как она бежит. Юркие рыбки, резвившиеся в ее прозрачной воде, по временам выпрыгивали и ловили мошкару, летавшую над поверхностью реки. Мальчик перестал плакать и переключил внимание на их проделки. Но как во время затишья, наступившего перед бурей, вдруг проносятся мгновенные сильные порывы ветра, от которых трещат деревья, так у него порой с острой болью снова мелькала мысль: «Я утоплюсь, у меня нет папы».

Вокруг было так тихо, так хорошо. Солнце мягко пригревало траву. Река блестела как зеркало. Минутами Симон ощущал полное блаженство — ту истому, которая следует за слезами, и тогда у него появлялось желание заснуть тут же в траве, на солнышке.

Вдруг к самым его ногам прыгнула маленькая зеленая лягушка. Он попытался ее поймать, но она ускользнула. Он погнался за ней, трижды упустил, но наконец поймал за задние лапки и рассмеялся, глядя на усилия, которые она предпринимала, чтобы освободиться. Она поджимала свои длинные лапы, затем быстрым движением внезапно вытягивала, выпрямив как

палки, и колотила по воздуху передними, как руками, выпучив круглые глаза с золотой каймой. Это напомнило ему одну игрушку из узких деревянных дощечек, сколоченных в форме зигзага, которые подобным же движением заставляли маневрировать прикрепленных сверху солдатиков. Тут он вспомнил о доме, о матери, его охватила печаль, и он снова заплакал. По его телу пробежала дрожь; он стал на колени и начал читать молитвы, как перед сном, но закончить не смог: на него опять нахлынули рыдания, такие частые, такие сильные, что овладели им всецело. Он уже ни о чем не думал, ничего больше не видел вокруг себя и только плакал.

Вдруг на его плечо легла тяжелая рука, и чей-то бас спросил:

— Что тебя так огорчило, мальчик?

Симон обернулся. На него добродушно смотрел высокий рабочий с черными курчавыми волосами и бородой. Мальчик со слезами на глазах ответил дрожащим голосом:

— Они меня побили... потому что... у меня... у меня... нет... папы... нет папы...

— Как такое возможно? — сказал рабочий, улыбнувшись. — У всякого есть папа.

Горестно всхлипывая, ребенок выдавил:

— У меня... у меня... его нет!

Рабочий, узнав сына Бланшотты (он уже кое-что слышал о ней, хотя и был новым человеком в этой местности) сделался серьезным.

— Ну, мальчуган, успокойся и пойдём к маме: раздобудем тебе папу.

Они отправились в путь. Взрослый держал маленького за руку и продолжал улыбаться: он не прочь был повидать эту Бланшотту. Как говорили, она была одной из самых красивых девушек в округе, и в глубине его сознания, может быть, таилась мысль, что молодая женщина, согрешив однажды, пожалуй, не прочь будет согрешить и в другой раз.

Они подошли к белому опрятному домику.

— Здесь, — сказал мальчик и крикнул: — Мама!

Показалась женщина, и рабочий перестал улыбаться. Он сразу понял, что с этой высокой бледной девушкой, сурово остановившейся в дверях, словно охраняя от мужчины порог того дома, где она уже была обманута другим, не пошутишь. Смущенный, с фуражкой в руке, он проговорил:

— Вот, сударыня, я привел вашего мальчика: заблудился у реки.

Но Симон бросился на шею матери, снова заливаясь слезами:

— Нет, мама, я хотел утопиться, потому что другие дети меня побили... побили... за то, что у меня нет папы.

Яркая краска залила щеки женщины. Уязвленная до глубины души, она горячо обняла свое дитя, и слезы брызнули из ее глаз. Взвол-

нованный и тронутый, мужчина стоял перед ней, не зная, как быть. И вдруг Симон подбежал к нему и спросил:

— Хотите быть моим папой?

Наступило глубокое молчание. Бланшотта, онемевшая, мучимая стыдом, оперлась о стену, прижав к сердцу руки. Ребенок, видя, что ему не отвечают, воскликнул:

— Если не захотите, я опять пойду топиться!

Рабочий, желая обратить дело в шутку, ответил со смехом:

— Ну конечно, я согласен.

— Как же тебя зовут? — спросил ребенок. — Я должен им сказать, если спросят, твое имя.

— Филипп, — ответил мужчина.

Симон секунду помолчал, словно хотел хорошенько запомнить это имя, и, протянув новому знакомому руку, сказал, совсем уже успокоившись:

— Так значит, Филипп, ты мой папа.

Подняв ребенка с земли, тот порывисто поцеловал его в обе щеки и поспешно удалился большими шагами.

На следующий день мальчика встретили в школе злобным смехом, но когда при выходе тот же парень попытался возобновить вчерашнюю сцену, Симон бросил ему в лицо, как камень:

— Моего папу зовут Филиппом.

Со всех сторон раздались злорадные вопли:

— Филипп?.. Какой Филипп?.. Что еще за Филипп?.. Откуда он взялся, твой Филипп?

Симон молчал: непоколебимый в своей вере, вызывающе смотрел на них и был готов скорее вытерпеть любые муки, но не сбежать. Школьный учитель выручил его, и он вернулся к матери.

В течение трех месяцев Филипп, высокий рабочий, частенько проходил мимо дома Бланшотты, а иной раз, набравшись храбрости, заговаривал с ней, когда заставал за шитьем у окна. Она отвечала ему вежливо, но была всегда серьезна, не принимала с ним шутливого тона и не впускала к себе в дом, но он, самонадеянный, как все мужчины, впрочем, вообразил, что, разговаривая с ним, она несколько размягчивалась.

Однако подорванную репутацию так трудно восстановить, и она так непрочна, что, несмотря на всю суровую сдержанность Бланшотты, в селе уже начались пересуды.

Что касается Симона, он очень полюбил Филиппа и почти каждый вечер по окончании трудового дня встречал его с работы. Он прилежно посещал школу и проходил мимо своих товарищей с независимым видом, никогда не отвечая на их издевки, но однажды тот парень, который обозвал его безотцовщиной, заявил:

— Ты соврал: нет у тебя никакого папы Филиппа.

— Почему это? — спросил Симон, страшно разволновавшись.

— А потому... Твой отец был бы мужем твоей матери, а она не замужем.

Симона озадачили его слова, и тем не менее он возразил:

— А все-таки он мой папа.

— Все может быть, — ехидно усмехнулся парень, — только это не настоящий папа.

Мальчик задумался и, решив все выяснить, направился к кузнице дяди Луазона, где работал Филипп.

Кузница стояла под густыми деревьями. В ней было очень темно, и только красное пламя огромного горна освещало яркими отсветами пятерых кузнецов, которые своими обнаженными руками производили ужасный грохот, ударяя по наковальням. Стоя среди огня, словно какие-то демоны, они не сводили глаз с истязаемого ими раскаленного железа, и их мысль тяжеломерно поднималась и опускалась вместе с молотом.

Симон, никем не замеченный, подошел к Филиппу и тихонько дернул за фартук. Тот обернулся. Работа разом остановилась, и мужчины удивленно уставились на мальчика. И среди необычной тишины раздался голосок Симона:

— Знаешь, сын Мишоды сказал, что ты не настоящий папа.

— А почему? — удивился Филипп.